

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК ФЕВРАЛЬ-78

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ Петра СУХАНОВА

Имя этого поэта — члена клуба «Северный огонек», водителя четвертой автобазы Петра Суханова — хорошо известно в городе. Чуть ли не на каждой литературной странице напечатаны его стихи, ни одно публикованное выступление сургутских поэтов без него не обходится. Но не только творческая плодотворность отличает П. Суханова. Страстная, заинтересованное отношение к жизни, интимность лирического высказывания, смелая индивидуальность давно отмечены как товарищами по клубу, так и читателями газеты. Журналисты единодушно назвали П. Суханова в числе лучших нештатных корреспондентов газеты за 1977 год.

И вот новая встреча с творчеством этого несомненно одаренного человека. Это по-прежнему поэт крупного, ладного стиха, легко соединяющего большое и малое с мужественной поступью строки. И в то же время это и достаточно более глубокая раздумья над проблемами духовной жизни современника, прямой, открытой выход на собеседника. Самую утверждать, что новые стихи Петра Суханова — это и устремление к новым горизонтам жизни и творчества, я ясно и трезво могу взглянуть на жизнь.

Уведу тебя, уведу!
По воде, по огню пройду.
Все желанья твои исполню,
Все сомненья отведу.
И по синему-синему полю
Уведу тебя, уведу!
Это поле — моя мечта.
Эта радость — мое очтанье.
Не найду я тебя никогда,
Случайная!..
Отпущу,
Прощу,
Ухожу.
Словно что-то любовь
уведу.
Ухожу от тебя,
И к тебе прихожу.
Эта боль — не похожа
на боль.
Эта боль — моя первая
радость.
Не ругай меня, что
всю жизнь любил,
А теперь вот прищма
устану...
Это скоро пройдет,
И душа оживет
И вспыхнет.
И, на счастье
идя беду,
Все равно
Я тебя
Уведу!

*Мне бы только дожить
До вавилоно срока.
Домечтать, долобить
Без тоски и упреха.
За таежною глущица
Раступить невода.
Стать опять непослушным.
Быть радужным всегда.
Мне пахать бы, и севать,
И упать средь меж...
Но на Север, на Север
Вырывается жизнь!
Сквозь дожди зроровые,
Сквозь века и снега
Вижу, вижу, Россия,
Как бунтует тайга.
Как аскалет работа,
Ожидает мечта.
Из бетона и пота
Поднимаются города,
Набираются силы
И растут на глазах.
Вижу, вижу, Россия,
Всю тебя в городах!
Мне бы только дожить.
Мне бы только доверить.
На печали развезть.
И обидящих под утро,
Ни о чем не скорбь,*

Тепло, обдувает и
нежно
Плывет студеное тепло.
Ничто не предаст
всю.
Чисты и небо и мечты.
И, как протяжные руки,
Сверкают радужно-мосты.

Пусть все доброе
будет вечным.
Жизнь — прекрасной.
Недолгой — грустью.
Все насущное
человечей

Будет пусто.
Пусть кричат ветухи
на рассвете.
Заливаются соловьи.
И счастливыми будут
дети,

А обиды...
И боль — тихая...
Я хочу, чтоб в травинке
тепелушкой,
Пробивающейся из пыли,
Проступала бы
непослушная,
Неуслышная сила земли.
А под осень, шальную
бабу,

Когда сердце полно
тоски,
Я хочу в деревенской
бане
Исклестать себя за грехи...
А потом,
Улыбаясь иль плача,
Средь бесцельных суев
и азобт,
Бесконечно поверяя
в удачу,
Бесконечно идти вперед!

Сгадай, цыганка, милая моя,
Я чувствую, я ней себе —
до слез!
Снажи, мого и полюблю,
Налая вылетает дорога.
Налую горячо утрату
Моя душа полна до края.
Кам догорелый занит,
Застывший на исходе
Мая!
Какая радость и беда
Меня, как явет, по сауту
Снажи, цыганка, милая
куда
Меня, опавшего, забросит?
Кам догорелый край
Я пропаду или
воскресит?
Сгадай, цыганка, милая
Мой
Налой оборванному песню,
Предугадай хотя б
на миг
Еще не пройденное мною.
И если я сорвусь
на ири,
Разоблачу себя, раскрою,
Доверюсь нарты,
Кам судья —
Молоко тебя и заманю:
Не выведи меня судьба,
Она чужая мне, чужая.
Не потому, что не любил,
Не потому, что не любил,
Что радовался и грустил
То осанью, то на исходе
На потому, что никому
Не смог поощрять
устану...
Не потому... не потому
Сгадай, цыганка, милая
Смешай и карты и мечты
И, душу разстреливая
прощаю,
Соедини, ноль уж
цыганка ты,
Все невозможное
и возможное...
Я не обманусь, я стерплю,
Мы разойдемся
без упрена...
Сгадай, цыганка,
милая моя,
Я чувствую, в ней
до слез...
в в в
Позовни яна,
покальбит,
В осеню...
И, сбегая от мирской
суети,
Я приду,
Как приходит в осень
Листопад
Смы п мечты.
Я приду,
Как приходит звезды
Сквозь дожди
В сентябрьскую ночь...
На беда, что нежно
ладно,
На беда, что не смей
идеи...
В этой жизни
На так-то просто,
Обманувшись однажды,
ожидать,
Как желанную гостью,
Пусть случайно, но —
любовь...
Позовни...
Через улиц людность,
По мостам, разводящим
мар,
Я приду,
Как приходит юность,
Заблудившаяся на миг...

ВЕСНОЙ сорок пятого года, когда далеко из западе смолк грохот орудий и Московское радио разнесло по всему миру долгожданную весть о победе, в наше село стада возвращаются с войчь демобилизованные по ранению солдаты. Сбрасывая свой бессонный наряд выши и яблони, и на заре солдатам и молодым девам, чьи губы еще не знали поцелуев, сиялись жаркие сны, а по вечерам, когда кружилась голова от запаха цветущей сирени, тревожа сердца и навеяв мечты о счастье и

знавшие друг друга всего несколько часов, раскрывают свое сердце, рассказывают старшие о себе.

Его отца, бывшего красноты латышского стрелка, немцы расстреляли, мать погибла в концлагере, старший брат, морской пехотинец, погиб под Ленинградом. Никого из родных нет у капитана, а сюда он едет к девушке, с которой познакомился в прошлом году. Вот только не уверен он, ждет и помнит ли его Настенька! ведь больше года не было от него ни одной восточ-

тчим руками обнимал любимого, что ему отдала первый поцелуй, дала него берегла девичью кресту. Нарядилась она старухой, пачкала лицо сажей, чтобы только никто не приставил к ней.

На заре простился капитан со своей черноглазой мейтой, условившись встретиться вечером, но поднятия их полк по тревоге, и не увидел капитан больше Настеньку, даже адреса ее он не знал. Сейчас, демобилизовавшись, шел капитан к суженой, и только один вопрос мучил его: «Помнит и ждет ли его Настя?»

А. Ходак

ПОСЛЕДНИЙ ВЗРЫВ

РАССКАЗ

минутах радостной встречи, играл на гармоне демобилизованный танкист, ярянный и обожженный, а самым медом слышно перебитую голову. Над сожженной головой плыла мелодия о девушке, которая бережет любовь, и, бессильно уронив ватружники, уловившие руки, слушали ее в разрушенных хатах женщины, кончиками платка утирали слезы. Из веских и саратовских госпиталей еще приходили похорошки, и плакали в подолку, прощая свою горькую долю, юлов...

Ранним июньским утром, когда капля росы еще белела на траве и вдали слышался молочный туман, по проселочной дороге шли двое военных, пожилой старшина-навалд, авторитарный на фронте погу, в молодой капитан. Одн был капитан в армейском выгоревшем офицерском обмундировании, вт вышот фуражке, у него была пилота. Плотную по фронтовому обычаю капитан просунул под ремеш, в теплый июньский вете, в шепеля его алыжные волосы. Час назад фронтовики сошли с войского эшелона, который приторкнулся на глухом поустатке, километрах в пятидесяти от нашего села. Старшина отметил, что его попутчик-капитан, не разговаривая сероголовый юлов, был не последний в бою: наград, анвешных у него на груди, куда более старых по возрасту солдат.

Чудным и необычным показался старшине его говор, и он спросил, из каких мест капитан родом. «Из Латвии», — коротко ответил тот. «Решили и однопольчанину захватить», — утвердительно произнес старшина. — Верно, товарищ капитан, фронтовая дружба самая крепкая. Ничего не отвечает капитан, но доказательств старому солдату, что он отчего-то смутился и даже слегка покраснел. Все выше поднималось солнце, в небесной выси являлся невидимый яворонек, а воздух был напоен запахами пробуждающейся земли. Фронтовики присели в тени, разложили нехитрую снедь. Попривечено лицо старшины, когда рассказывал он о своих троих сыновьях, погибших на войне, и я ответ ему молодой капитан, как это часто бывает в дороге, когда путники,

да и выделались они всего два раза.

ОДНАЖДЫ на рассвете немцы обнаружили в селе группу разведчиков, во главе которых был капитан, а от верной смерти спасла их тогда немолдая на вид женщина, с исплачавшим сажей лицом, неопытная, одетая в разорванную фуфайку в грязный платок. Она спрянула их в заброшенном подвале. А вотю, обходя вражеские посты, огородами и балками, женщина вывела разведчиков к перелову. Ее быстрые и ловкие движения никак не выязались со старушечьим видом, но ведомо капитану было знакомиться и узнавать ее возраст, просто он пооблагодарил и пожал руку своей спасительнице.

После ведалий бреш их лавины стояла на реформировании, и всякий раз, бывая в штабе полка, который находился в селе, где капитан был в разведке, он надеялся встретиться ту самую женщину. Однажды вечером возле колодца, недалеко от штаба, увидел он цветоловато парня-ефрейтора, всею большего о чем-то с черноволовой девушкой. Бесельчак-писарь, держа в одной руке ведро с водой, другой попытался обнять девушку, и не успел капитан моргнуть глазом, как девушка гневно отстранилась, схватила ведро, стоящее на земле, и вылеснула его на ефрейтора. Глядя на мокрого ефрейтора, капитан засмеялся. Сердечед-пасарь, не дожидаясь пороха, не выждал у него особых сампайт. А девушка рванула ведро в рух мокрого, остолбеневшего ефрейтора и едва не стокнулась с капитаном. Увидев офицера, она слегка вскрикнула, прижала ладони к лицу, и сердце капитана гулко забилося. Девушка первая нарушила молчанье.

— Это вы? А я думала, больше не увижу вас... Не помнит капитан, что сказал ей в ответ, какие слова говорил, скорее всего он просто молчал. Впервые в жизни целовал в тот вечер капитан девушку, и Настенька, пладая, благодарная, удубо, подарила ему любимого, и, по-женски приятная, прожинала войну, которая в любую минуту может забрать ее счастье. Зная и чувствуя, что недолги минуты их встречи, нервная, не таясь, привадалась Настенька, горя-

ПУТНИКИ спускались к глубокой балке. Между высокими тополями, причудливо изгибаясь, выделась река Берда. Стрелотали кузнечики, с неба лилась межочечевая песня яворонка, и не верилось, что совсем недавно стояла и задрогивала взрелевшая земля и умарали солдаты.

Дождя лись, отен, небом, — задумчиво сказал капитан. — Порой бывало такое, что и не думая остаться в жизни. А жить хочется, очень хочется.

Старшина, улыбаясь, слушал и полной грудью вдыхал воздух родных полей. Вот-вот покажутся хаты его родного села, и старшина решил, что непременно пригласит капитана в гости. Дорога проходила через разрушенную войной землю-ю платину. На откосе платины копотилось несколько мальчишек шести-семи лет. Заметив военных, они бросили свое занятие и с любопытством смотрели на них.

— Здравствуйте, дядельки! — серьезно сказал самый шустрый из мальчугов. — А вы моего папу не видели? Он скоро придет домой? Мы с мамой его каждый день ждем.

Фронтовики заулыбались.

— Скоро, скоро, — ответил старшина. — Война уже кончилась, и скоро твой папа вернется.

— Гляньте, дяди, вот там противотанковые мины, немейки. Не бойтесь, они не взрываются, — и мальчонка вебрежно «реша камень на откос.

Фронтовики обомлели. Бурные вешние воды размывали откос платины, и ржавая смерть, прятанная до поры до времени незамеченной, вышла на поверхность.

— Назид! — резко скомандовал капитан.

В мгновение ока плылокка взлетела на голову капитана, на лбу праегла складка, и даже голос его изменился, при обрел командирскую властность и жестокость. Старшина подумал, что таким сообразным и решительным он был, когда в минуту опасности принимал трудное решение, когда поднимал роту в атаку.

— Уходи, отец, надо разряжать мины, — сказала капитан, снимая вещь мешок.

— Положила, сыном... товарищ капитан, вывелом саперов, — возмущся, умоляюще глядя на капитана, произнес старшина.

— Пока придут саперы, подорвется павань, как будем отпан их и матери в глаза смотреть? А тот вон парнишка отдал фронта жет, — ответил капитан. — В конце концов, отец, не зря же я эти звездочки ношу, — превращая все в шутку, капитан указал на свои погоны.

(Оконч. на 4 стр.)